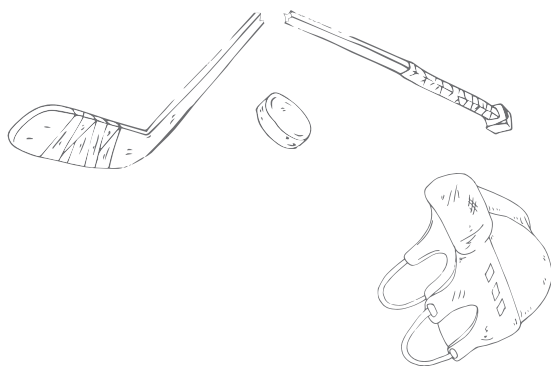

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	45
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	76
Глава 10	82
Глава 11	91
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	115
Глава 15	125
Глава 16	133

Глава 17.....	142
Глава 18.....	149
Глава 19.....	155
Глава 20.....	162
Глава 21.....	167
Глава 22.....	177
Глава 23.....	184
Глава 24.....	193
Глава 25.....	201
Глава 26.....	210
Глава 27.....	220
Глава 28.....	229
Глава 29.....	237
Эпилог.....	249

ПРОЛОГ

— Решением РУСАДА¹ отстраняем Кравцова Даниила Сергеевича от игры в хоккей на четыре года. Ему запрещено участвовать в любых, даже коммерческих, играх, заключать контракты с любыми клубами страны и...

Даня слушал, как Виктор Борисович Воронцов, или Борисыч, как его называли между собой воспитанники хоккейной школы «Лед и пламя», зачитывает ему вердикт, словно смертный приговор. Нутро горело и разрывалось от ярости и несправедливости.

— Но я этого не делал! Я ничего не принимал! — Он вскочил на ноги, опрокинув стул, на котором до этого сидел.

---

¹ Ассоциация Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» является национальной антидопинговой организацией Российской Федерации. — *Прим. автора.*

— Кравцов, сядь, я еще не закончил! — сердито рявкнул тренер. Он нервно провел пятерней по седым волосам и сдвинул брови, бросив официальный документ на стол, после чего в сердцах хватанул кулаком по столу.

— Откуда в моей крови взялся этот чертов три-метазидин?! Виктор Борисович, вы же лучше всех знаете, что я ничего не принимал! Да и зачем мне это, я и так был лучшим нападающим во всей школе! — Даню охватил такой гнев, что он готов был крушить все вокруг. Только авторитет тренера заставлял его кое-как держать себя в руках.

— Вот! — Борисыч яростно развернулся к своему лучшему воспитаннику и сердито ткнул в него пальцем. — Вот в чем причина! Ты слишком высокомерен, слишком неосторожен, думаешь, весь мир крутится вокруг тебя! Я говорил тебе, что ты должен...

— Да причем здесь это! — Даня не удержался и пнул свой стул так, что он отлетел и ударился о стену. — Я ни в чем не виноват! Нужно провести расследование, чтобы все выяснить! Я не могу перестать играть, не могу без хоккея, понимаете вы или нет?!

Он раньше никогда не позволял себе говорить с тренером, которого боготворил с детства, в таком тоне, но сейчас душа и сердце просто разрывались от чудовищной несправедливости. Видя, в каком состоянии находится Кравцов, Борисыч шумно выдохнул и обреченно опустил плечи. Подошел к взбешенному парню и по-отечески похлопал его по плечу.

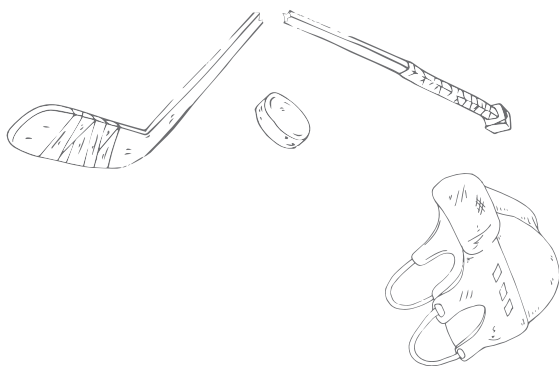
— Дань, дело сделано. Мы подавали апелляцию, проводилось расследование, твои анализы перепроверялись уже несколько раз, но результат один.

— Вы хотите сказать, что для меня все кончено? — прошептал Даня, со стыдом чувствуя, как подкатывает ком к горлу и глаза начинает предательски щипать.

— Нет конечно, я так не думаю, и ты не должен! Тебе всего семнадцать — вся жизнь впереди. Четыре года пролетят незаметно, и вернешься в спорт. Я понимаю, что придется много работать, чтобы наверстать упущенное, но это не конец света и не конец твоей карьеры. Не опускай руки, сынок, я помогу чем смогу, и ты знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать.

Даня неловко стер кулаком выступившие слезы и отвернулся от тренера, невидяще уставившись в стену. Стыдно было плакать, как будто он маленький, но иногда бывает так больно, что сдержать слезы невозможно. Борисыч опять говорил что-то ободряющее и, мать его, успокаивающее, но Даня не слышал. Вернее, мозг фиксировал слова, но сердце их не воспринимало. Оно горело в огне несправедливости и ужасного осознания, что хоккея для него больше нет. Дело, которому он посвятил большую часть жизни, закончено. Он больше никогда не вернется в спорт.

ГЛАВА 1

Два года спустя

Опять будильник на шесть сорок, опять за окном темно, опять собираться на пары. Ежедневный ритуал, который ничем не отличался от прежнего, когда Даня точно так же каждое утро собирался на тренировку, только сейчас вместо льда — большие аудитории, а вместо коньков и формы — конспекты.

— Данечка, дорогой мой, завтрак на столе, вставай! — услышал он мамин голос и за ним легкий стук в дверь его комнаты.

Даня застонал и, собрав волю в кулак, сполз с кровати. Пока умывался, думал о том, что за полтора года универа так и не привык к этой изматывающей, однообразной рутине, к отсутствию адреналина, физических нагрузок, перепалок с парнями...

А больше всего его угнетало ощущение упущенных возможностей и чувство, что он просрал всю свою жизнь.

После того разговора с Воронцовым он больше не вышел на лед. И ни одного хоккейного матча не посмотрел. Слишком больно было понимать, что шанс сделать головокружительную карьеру, прославиться на весь мир и завоевать награды упущен навсегда. Даня мог пойти в институт физической культуры, но никакого желания идти дальше по этому пути не было. Поэтому он поступил на факультет иностранных языков по специальности «английский язык» — просто потому, что языки ему всегда давались легко, да и мама, кажется, была довольна. А отец говорил, что знание языков — это билет в благополучное будущее. Но Даня думал иначе. В жизни надо заниматься тем, к чему лежит душа, а душа его всегда любила хоккей.

— Садись, — мама поставила перед ним тарелку омлета с сыром, чашку кофе и нарезку свежих овощей.

Папа уже доедал свой завтрак, параллельно читая что-то в телефоне.

— Сережа, поешь нормально, что ты все в своем телефоне сидишь, еда же мимо, — мягко упрекнула она мужа, легко тронув его запястье.

— Извини, Ленусь. — Папа быстро отложил содовый и улыбнулся жене.

Даня хмыкнул, уткнувшись в тарелку: за двадцать лет совместной жизни родители не утратили теплоты в отношениях, и иногда Даня чувствовал себя третьим лишним, будто подсматривал за чем-то очень интимным. Активная, эмоциональная мама с дерзкой короткой стрижкой до сих пор выглядела юной и миниатюрной рядом с высоким широкоплечим отцом. По словам их старых друзей, когда-то он слыл хулиганом и грозой района, но встреча с мамой кардинально его изменила. Даня искренне считал их идеальной парой и всегда равнялся на родителей.

— «Еда мимо» — что за странное выражение? — буркнул он, чтобы разбавить их амурную атмосферу. — Как вообще еда может идти мимо?

— Так моя бабушка говорила, — легко рассмеялась мама, взъерошив густые каштановые кудри сына. Она немного помолчала, а потом вдруг сказала: — Может, поедем куда-нибудь все вместе на каникулах? Например, в Таиланд?

— Ма, у меня каникулы с июля начинаются. Тай в июле? — скептически скривился Даня. — Мы же там от жары померем. Да еще и в сезон дождей попадем.

— Давайте тогда выберем другое место, — с готовностью уступила она. — Может быть, Азия? Китай? Корея? Япония? Мы так давно нигде не отдыхали вместе. У отца работа, у тебя учеба...

Даня оценил искренний мамин порыв увезти его куда-нибудь развеяться. Последний раз они выбрали всей семьей два года назад, после его ухода из спорта. Тогда родители изо всех сил старались хоть как-то отвлечь сына и отправились с ним на целый месяц в Дубай. Вот и сейчас мама чутко воспринимала малейшие колебания Данькиного настроения и видела, что он хандрит. На самом деле, в таком состоянии он находился уже два года, просто сейчас все обострилось из-за мерзкой пасмурной погоды. На дворе стоял конец февраля: мокрый, грязный, мрачный, временами холодный, с пронизывающими ветрами. И Даня с нетерпением ждал весны, тепла и солнца, почему-то уверенный, что именно весной его жизнь развернется на сто восемьдесят градусов. Глупо. Что может изменить время года?

— Давайте подумаем об этом через пару месяцев? — дипломатично предложил папа, видя колебания сына.

— Ну хорошо, — вздохнула мама, собирая грязные тарелки.

Даня оделся, утопил подбородок в намотанном шарфе и отправился к метро. Мысли бесцельно гуляли в голове, ни на чем конкретно не останавливаясь. Иногда он думал, что просто бесится с жиру и его хандра не что иное, как избалованность обеспеченного мальчика, у которого с детства было все: самые лучшие игрушки, самые дорогие и новые

гаджеты, брендовая одежда. У Влада Романова вон ничего из этого не было. Друг, который по иронии судьбы занял его место в хоккейном клубе «Искра», из кожи вон лез, чтобы преуспеть в спорте, потому что рассчитывать мог только на себя. Ему даже форму покупал тренер, потому что знал, что родителям наплевать на пацана. Мать пьет, отец — заводской работник до мозга костей, мечтавший, чтобы сын после окончания школы сразу пошел работать на завод. Они считали его занятие хоккеем блажью и глупостью, но Влад не сдался и все-таки добился своего. Даня по сравнению с лучшим другом — настоящий везунчик. Прекрасная семья, любящие родители, деньги, путешествия. «Да, зажрался ты, брат, — думал он, заходя в душное метро. — Почаще вспоминай о том, как живут другие люди». Вот только у Романова был хоккей, а у Дани — нет.

В этот момент на телефоне пиликнуло уведомление, и Даня открыл мессенджер. А вот и Влад, легок на помине.

Нил, как насчет субботы? Мы против «Барсов» играем. Придешь?

Нил — как давно его не называли этим прозвищем... Сердце ностальгически дрогнуло, возвращая его в те дни, когда он еще занимался хоккеем. Сначала тренер называл его Даниилом, но имя звучало слишком длинно, и все чаще Борисыч стал его

сокращать. Ребята из группы сначала звали «Даней», но так его называла мама, и Кравцову казалось, что это слишком слащаво и по-детски. Поэтому со временем и Воронцов, и мальчишки стали называть его Нил. Нил Кравцов. Звучно. Только Назар Елизаров, старшак, давно уже подписавший контракт с новосибирским клубом, звал его Даня. Как-то по-братски и тепло. Вроде как по-родному. Даня скрежетнул зубами, пытаясь не погружаться вновь в тот ад, из которого еле себя вытянул. С тех пор как бросил спорт, он ни на один матч не сходил, хотя Влад и парни не раз пытались его вытащить. Не мог он видеть, как его мечту вместо него воплощают другие. И знал, что друзья ни в чем не виноваты, но не мог перестать злиться, ведь его вины тоже не было. Но судьба решила иначе. Жизнь не всегда справедлива и порой больно щелкает по носу, а иногда и ломает.

Кравцов по привычке прошел рамку, приложил к турникету проездную карту и спустился на эскалаторе к поездам. Немного подумав, открыл мессенджер и ответил Владу:

В эту субботу не могу, четыре пары поставили.

На самом деле в субботу не было ни семинаров, ни коллоквиумов — только лекции, которые вполне можно прогулять. Но учеба стала неким прикрытием, оправданием его трусости и нежелания видеть друзей на льду, куда он больше не вернется.

